

Последний раз я позвонил Сахарову весной 1989 г. Неудачно. У него дома были гости – итальянские парламентарии. Извинившись, он сказал: «Очень много работы. Очень много...».

Он и пал на гражданском посту, после памятного всем выступления на заседании Верховного Совета СССР. Сердце великого человека остановилось 14 декабря 1989 г., на шестьдесят девятом году жизни.

Литература

1. Личный архив В.А.Петрицкого.
2. Cousins N. Albert Schweitzer Mission: Healing and Peace. With Unpublished Letters from Schweitzer, Nehru, Eisenhower, Khrushchev and Kennedy. - N.-Y.; London: W.W.Norton, 1985. - 319 p.
3. Getting C. Albert Schweitzer Pionier der Menschlichkeit. - 2., erweiterte Ausgabe. - Berlin: Union-Verlag, 1979. - 190 s.
4. Schweitzer A. Menschlichkeit und Friede. - Berlin: Anstalt Union, 1991. - 219 s.
5. Albert Schweitzer International Symposium: Reverence for Life. - Cambridge: St. John's College, 1983. - 88 p.
6. Schweitzer A. Leben, Werk und Denken mitteilt in seinen Briefen. 1905-1965. - Heidelberg: Lambert Schneider, 1987. - 457 s. [Опубликованные письма А.Швейцера к А.Эйнштейну, М.Планку, Р.Роллану, Л.Полингу, Ф.Жолио-Кюри, Б.Расселу, Г.Гессе].
7. Schweitzer A. Beitrage zu Leben und Werk. - Berlin: Union, 1966. - 249 s.
8. Petrizkij W. Ehrfurcht for dem Leben und die kosmische Ethik // Rund-brief Albert Schweitzer-Komitee. - Dresden, 1971. - №17. - S.19-24.
9. Петрицкий В. Вселенная Альберта Швейцера // Звезда. - 1992. - №1. - С.139-146.
10. Альберт Швейцер – великий гуманист XX века. - М.: Наука, 1970. - 235 с.
11. Полинг Л. Не бывать войне! – М.: Изд-во иностр.лит., 1960. - 236 с.
12. Боннер Е. Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова. - М.: Права человека, 1996. - 159 с.
13. Он между нами жил...: Воспоминания о Сахарове. – М.: Практика, 1996. – 938 с.
14. Петрицкий В. Свет в джунглях. – Л.: Дет. лит., 1972. - 256 с.

МОЯ ЖИЗНЬ С МАРТИНОМ ЛЮТЕРОМ КИНГОМ МЛАДШИМ

К.Кинг (Атланта, США)

Лето 1964 г. было очень трудным для моего мужа Мартина Лютера Кинга младшего. Его буквально разрывали на части, жизнь его состояла из одних неотложных дел. Большую часть времени он проводил вне дома, занятый борьбой за голоса избирателей, движением за расовую интеграцию мест общественного пользования, поездкой в Германию, президентской кампанией и многими другими трудными и напряженными делами.

Я очень волновалась за него, поэтому в октябре, вскоре после того, как он вернулся из Германии, я настояла, чтобы он отправился в больницу Св. Иосифа на обследование, надеясь, что, таким образом он сможет отдохнуть несколько дней. На следующее утро после отъезда Мартина, в 9 часов зазвонил телефон. В нашем доме телефон звонил все время. Шло много звонков от людей, которые работали с Мартином, которые хотели оказать поддержку Движению или получить помощь от Мартина. Но были и звонки с угрозами, оскорблениями, потоками непристойности.

В этот раз, когда я подняла трубку, голос сказал: «Это - Ассошиейтид Пресс. Я бы хотел поговорить с доктором Мартином Лютером Кингом». Я объяснила, что доктора Кинга нет дома, и журналист сказал: «Это миссис Кинг?» Когда я ответила утвердительно, он сказал: «Мы только что получили сообщение из Норвегии, что Вашему мужу присуждена Нобелевская премия мира за 1964 год».

Я не могла осознать это сразу, но старалась держаться спокойно. Он спросил меня, может ли он встретиться с доктором Кингом для заявления. Я сказала, что сама свяжусь с мужем, и он ему перезвонит. Когда журналист спросил о моих чувствах, я сказала, что мне трудно объяснить, что я в действительности чувствую.

Конечно, я читала в газетах, что Мартин был назван претендентом на премию. Мы также слышали, что он один из первых в списке возможных победителей; Мартин и я думали, что, скорее всего, это слухи, потому что считали, что эта премия дается исключительно тем, кто участвует в борьбе за мир на международном уровне. Хотя Мартин часто писал и говорил о ненасилии как средстве спасения мира от опасности, мы не замечали, чтобы другие люди видели возможность применения его философии в широком смысле.

«В этом году премия составляет 54 тысячи долларов,- сказал журналист, - Как Вы думаете, что сделает Кинг с этими деньгами?»

«Зная его, - ответила я, - уверена, что он отдаст их Движению за права негров».

«Что вы думаете об этом?»

«Я думаю, туда деньги и должны пойти. Я верю в это всем сердцем».

Как только журналист повесил трубку, я позвонила Мартину в больницу. Когда он ответил сонным голосом, я весело спросила: «Как сегодня чувствует себя лауреат Нобелевской премии мира за 1964 год?»

«Что?» - спросил Мартин.

«Мартин, только что звонили из редакции Ассошиейтид Пресс, объявлен лауреат, это – ты». После долгой паузы Мартин сказал: «Надо проверить, так ли это». Позднее Мартин сказал мне, что уснул после завтрака в больнице. Когда я позвонила ему, чтобы сообщить новость, он был ошеломлен. Он ду-

мал, что все еще спит. Мне потребовалось некоторое время, чтобы проанализировать свои собственные ощущения. Конечно, телефон продолжал звонить, а моей первой мыслью было, что Мартин уехал в больницу только накануне, а это означало, что у него не было возможности отдохнуть, потому что теперь все захотят увидеться с ним. Казалось, что каждый раз, когда он хочет удалиться от дел, что-нибудь случается.

С другой стороны, я понимала, что это был тот подъем, который ему, несомненно, нужен, и в тот момент я чувствовала радость. Тихо я сидела у телефона и молилась: «Спасибо, Отец наш. Спасибо. Это много значит для Мартина, для детей, для меня. Спасибо и помоги нам быть достойными этого благословения».

Новость о новом лауреате распространилась быстро. Мартина посетил Архиепископ Халлинан Римской католической епархии в Атланте. Епископ Халлинан поздравил Мартина и сказал: «Могу я благословить Вас?». «Конечно», - ответил Мартин. Архиепископ прочитал традиционное благословение и перекрестил Мартина. Затем, к удивлению Мартина, Архиепископ опустился на колени у его кровати и тихо сказал: «Могу я получить Ваше благословение?». Потом Мартин рассказывал мне, какую он почувствовал радость, как было прекрасно, что Римский католический Архиепископ получил благословение проповедника-баптиста по имени Мартин Лютер.

Позднее мне позвонили из Ассоциации Христианских Лидеров Юга и сказали, что Мартин устраивает в 11 часов пресс-конференцию в больнице и спросили, не приеду ли я туда. Конечно, я сразу же поехала. В больнице уже были фотожурналисты и фоторепортеры со вспышками, которые толпились в часовне больницы. Мартин выступил с заявлением, ответил на вопросы легко и спокойно, как всегда. Он сказал, что отдаст все премиальные деньги Движению, как я и предполагала. Позднее эти деньги были распределены между Ассоциацией Христианских Лидеров Юга, Конгрессом Расового Равенства, Студенческим Координационным Комитетом, Национальной Ассоциацией Движения Цветного Населения, Национальным Советом Чернокожих Женщин и Американским Фондом ненасилия, созданным для распространения знаний о методах борьбы без применения насилия.

Наконец, репортеры ушли, и мы поднялись в свою комнату, чтобы остаться вдвоем и привести в порядок наши мысли и чувства. Конечно, я была довольна, но в то же время размышляла. Почему? Почему вклад Мартина считали международно-значимым? Что скрывалось за всем этим, что-то, чего мы еще не поняли? Это была премия не за гражданские права, а за вклад в дело мира во всем мире. Хотя мы и были оба счастливы, мы оба понимали, какую огромную ответственность это возлагало на него. Конечно, это было величайшее признание, но мы оба знали, что нам предстоит проделать долгий путь, чтобы оправдать такое доверие. Это была большая награда, но еще

большая ноша. Я чувствовала гордость и радость, и боль, когда я думала о новой ответственности, которая ложилась на моего мужа, это была и моя ноша тоже. Я думаю, он точно сказал по поводу вручения премии: «У меня такое чувство, что мне дали премию за то, что еще не сделано. Нужно идти и работать еще больше над тем, во что мы верим».

Но все эти раздумья не означали, что мы не радовались. Было так весело готовиться к поездке в Норвегию. Сначала мы думали, кого мы сможем взять с собой. Мы хотели, чтобы поехало как можно больше народу, потому что Мартин считал, что премия дана не только ему, но и тем, кто был на его стороне в нашей длительной и опасной борьбе.

Некоторые из друзей-священников великодушно жертвовали деньги через свои церкви, чтобы мама Кинга, Альберта Уильямс Кинг, и его отец, его преподобие Мартин Лютер Кинг старший, могли поехать тоже. Отец Мартина уже 33 года был пастором баптистской церкви Эбenezера на Оборн Авеню в Атланте. Это был большой человек, физически и духовно. Он стоял твердо и уверенно за кафедрой, не боясь людей, белых или черных, говоря все как есть, проповедуя Слово своим прихожанам и даря им свою бьющую через край любовь. В то время Мартин был сопастором в церкви Эбenezера, и они с отцом были очень близки. Папа Кинг, как мы его все называли, чрезвычайно гордился тем, что его сын получил Нобелевскую премию мира. В то же время он думал о той новой ответственности, которая ложилась на плечи Мартина.

Следующими в нашем списке были Его Преподобие Ральф Д.Абернати и его жена Джуанита. Ральф, пастор баптистской церкви на улице Уест Хантер в Атланте, был близким другом моего мужа и поддерживал его с первых дней еще в Монтгомери, штат Алабама, в 1955 г. Поехал брат Мартина А.Д.Кинг, его сестра Кристина Фэрис и Нина Миллер, близкий друг семьи Кинг. Многие другие наши друзья и помощники поехали с нами: А.Янг, У.Т.Уокер, Б.Ли, Д.Коттон, Л.Хантер, С.Кларк, Г. и Л.Уочел, Б.Растиа, Д.Макдональд, секретарь Мартина, и еще человек десять. Большинство из них сами оплатили себе дорогу.

Я хотела взять с собой двух старших детей. Йоланде, которую мы звали Йоки, было почти 9, а Мартину Лютеру Кингу III, Марти, было 7. Они оба много пережили с нами: нам угрожали, нас пытались взорвать, они знали времена, когда их отец был в опасности. Когда их папа был в тюрьме, когда его называли лжецом или коммунистом, или дядей Томом, они учились выскок держать голову и верить ему. Я думала, им стоило увидеть, как их отец получает высшую гуманистическую награду в мире, но Нобелевский комитет отсоветовал нам привозить детей моложе 12 лет. Дети расстроились, когда я сказала им, что они не могут поехать, хотя они и понимали причину.

В начале декабря наша группа из 30 человек улетала из Атланты в Нью-Йорк двумя разными рейсами: ради безопасности детей Мартин и я никогда

не летали вместе, лишь, в крайнем случае. В Нью-Йорке Р. Банч и Президент Генеральной Ассамблеи ООН запланировали для нас несколько мероприятий. Мы встречались с представителями Норвегии, Швеции, Англии, некоторых африканских стран. Мы почувствовали, что наша зарубежная поездка уже началась. Первым улетел в Лондон мой муж, большинство мужчин улетели с ним. Женщины отправились на следующий день. Нам было приятно, что папа Кинг летит с нами. Мы опять были все вместе в Лондоне, где у Мартина было запланировано несколько выступлений.

В воскресенье он читал проповедь в Соборе Святого Павла. За исключением самой церемонии вручения премии, это был самый важный момент поездки. Величественная англиканская церковь 17 века была наполнена людьми, которые пришли послушать Мартина. Мы были очень тронуты не только проповедью Мартина, но и обрядом англиканской церкви, который мы никогда раньше не видели: священники в ризах, церемония службы, прекрасное пение мужского хора и хора мальчиков, чьи высокие голоса звучали так чисто. Это очень понравилось Мартину и вдохновило его. Когда Мартин поднялся на кафедру и начал свою проповедь, его чистый сильный голос заполнил собор. Его манера коренилась в традиции баптистских священников юга; эти модуляции голоса, которые он слушал от своего отца и других проповедников с тех пор, как помнил себя. Все, кто когда-либо слышал его, знали, что проповеди Мартина запоминаются не из-за ораторского искусства, которым он владел, но откровением, которое он нес, которое шло от его сердца прямо к сердцу слушателя.

В тот день он читал одну из своих любимых проповедей – «Три измерения совершенной жизни». Для меня это имело особое значение, потому что он говорил об этом же, когда я впервые услышала его проповедь много лет назад в воскресенье в маленькой церкви в Роксбери, штат Массачусетс. Такой же была тема его первой проповеди, когда он начинал работать пастором в баптистской церкви на Декстер Авеню в Монтгомери, штат Алабама.

Но проповедь в Соборе Святого Павла не была простым повторением. Как всегда Мартин выбирал тему и изменял ее в соответствии со временем и аудиторией, добавляя новые мысли, импровизируя. Он цитировал Откровения, 21 главу, 16 стих: «... длина и ширина и высота его равны». Мартин описывал видение Святого Иоанна «святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба». Этот новый небесный город не будет несбалансированной реальностью с растущими добродетелями, с одной стороны, и разлагающимися пороками, с другой. Самое замечательное в этом городе – его законченность во всех трех измерениях: длина, ширина и высота его – равны. Проблемы в мире существуют из-за его несовершенности, говорил мой муж. Греция дала нам замечательную философию и поэтическое понимание, но ее чудесные города были построены на рабстве. Западная цивилизация тоже бы-

ла великой, оставив нам в наследство красоту искусства и культуры, также как и Промышленная революция была началом материального изобилия для человека. Но она опиралась на несправедливость и колониализм, что позволило материальным ценностям обогнать духовные. Америка, говорил он, великая нация, давшая миру Декларации Независимости и грандиозные технические средства, но она тоже несовершенна из-за своей меркантильности и еще потому, что она лишила 22 миллиона негров жизни, свободы и надежды на счастье. Так же как и великие города, нации и цивилизации несовершенны, так же несовершенны и многие лидеры. Личность, говорил Мартин, должна бороться с собой за совершенство. Первое измерение совершенной жизни – развитие внутренних сил личности. Человек должен неустанно работать для достижения высоких результатов в своих усилиях, как бы скромны они ни были. «Настройтесь серьезно и поймите, для чего вы были созданы, и посвятите себя этому. Такое движение вперед к самореализации – это длина человеческой жизни».

Второе измерение совершенной жизни – единение с другими и забота о ком-либо. «Признание единства человечества и необходимость братского отношения – к благополучию других – это ширина человеческой жизни».

Осталось третье измерение – высота, стремление человека ввысь. Некоторые из нас атеисты во всем, некоторые атеисты в делах, хотя и молятся Богу. Мартин считал, что человек должен активно искать Бога. «Где вы найдете его? В пробирке? Нет! Где еще как не в Иисусе Христе, в Господине наших жизней? Христос – сотворенная Словом плоть. Он – язык вечности, переданный словами времени. Отдавал себя полностью Христу и Его пути, мы примем участие в грандиозном акте веры, которая приведет нас к истинному знанию Бога». Заканчивая, Мартин сказал: «Любите себя, если это не пагубная любовь. Это – длина жизни. Любите своего соседа как себя, так заповедано. Это – ширина жизни. Но никогда не забывайте, что есть более важная заповедь: «Любите Господа вашего Бога всем своим сердцем, всей своей душой, всем своим разумом». Это – высота жизни». «...Бог допускает, что мы поймем видение (Иоанна) и будем стремиться с неслабым энтузиазмом в город совершенной жизни, в котором длина, ширина и высота – равны. Только придя в этот город, мы постигнем нашу истинную сущность. Только достигая этого совершенства, мы можем быть действительно сынами Божиими».

Когда Мартин говорил, эта огромная утонченная аудитория сидела молча, сосредоточившись на его словах. Он рассказывал позднее, что ощущал движение переполнявших их чувств, и его собственные эмоции росли вместе с эмоциями его слушателей. Его отец сидел там, позабыв обо всем. Члены нашей группы потом дразнили папу Кинга, говоря, что он бормотал свою любимую фразу, которую он выкрикивал обычно в своей церкви. Он говорил: «Попроше, попроше».

После службы Кэнон Коллинз из Собора Святого Павла пригласил нас к себе домой для непродолжительного визита. Потом мы осмотрели Лондон: Вестминстерское Аббатство, Лондонский Тауэр. Мы проехали по Уайт-холлу с его правительственными зданиями, Адмиралтейством и Министерством иностранных дел, которые были похожи на памятники когда-то великой империи, проехали мимо Парламента с его прекрасным готическим фасадом, мимо Биг Бена, куранты которого отбивают каждые 15 минут. Но красота и величие Лондона бледнели при мысли о том, что все это было построено эксплуатацией африканцев, индийцев и других угнетенных народов.

8 декабря мы отправились в Осло. Так как полет был непродолжительным, и предполагалось, что нас будут приветствовать официально, мы все полетели на одном самолете. Так, лишь один раз мне пришлось лететь с моим мужем, мы могли обменяться чувствами о том, что нас ожидало в Осло. Однако, когда мы летели на север над серым штормящим морем, у меня было чувство, что мы движемся от центра событий к месту, которое не имело к нам никакого отношения. Хотя мы приземлились днем, солнце уже садилось. В этом месяце самые короткие дни, только 4-5 часов длился день в Осло. Нам нужно было привыкнуть к этому, а также к сильному холоду, когда мы вышли из самолета.

Но если воздух был прохладным, то наша встреча была теплой. Конечно, там были представители Нобелевского Комитета вместе с доктором Гуннаром Яном. Мы ожидали увидеть их, но не ожидали увидеть толпы людей, пришедших поприветствовать нас, и, особенно, сотни молодых людей. Мартин выступил с кратким заявлением для прессы, выразив благодарность Нобелевскому Комитету и собравшимся людям за теплый прием. Дети подарили нам букеты цветов. Потом мы медленно шли через толпу. Люди махали нам руками и улыбались. Мы могли пожать руки некоторым и помахать всем в ответ. Что поразило Мартина и меня – это искреннее тепло людей. Мы чувствовали себя как дома, напряжение спало, что с нами редко случалось.

В первый вечер у нас ничего не было запланировано. Это был день рождения Мариан Логан, которая была членом нашей группы, мы устроили ей день рождения – сюрприз в гостинице. Он перешел в празднование нашей поездки, наших надежд и ожиданий. Никогда раньше не собиравлось столько людей для простого дружеского общения. Обычно это были митинги, собрания, критические моменты, неотложные дела разного рода. Мартин и некоторые другие сидели в тюрьме много раз. Некоторых сильно избивали. Бомбились церкви и дома. А сейчас серьезность сменилась радостью и весельем. После обеда Мартин, Энди Янг, Ральф Абернати, Уайатт Уокер и Бернанд Ли организовали квинтет и пели по голосам освободительные песни. Они часто это делали, чтобы снять напряжение собраний и конференций. Потом мы все вместе пели гимны и освободительные песни, в тот вечер слова звучали как

никогда громко. Мы пели «О свобода», «Я никому не позволю встать у меня па пути», «Где вы были, когда они распяли моего Господа?» и «Бальзам в Галааде», которую мой муж всегда цитировал для поднятия настроения. «Иногда я чувствую разочарование и думаю, что моя работа напрасна, но тогда Дух Святой возрождает мою душу снова. В Галааде есть бальзам для лечения ран, в Галааде есть бальзам для исцеления грешных душ».

Так продолжалось всю ночь. Остановившиеся в гостинице люди приходили слушать. Я думаю, они ничего подобного раньше не слышали. Они были дружелюбны, и снова мы почувствовали счастье общения и тепло друг друга.

Позднее мы спустились в столовую, и папа Кинг начал рассказывать нам о своих чувствах. «Сейчас я что-то хочу сказать всем вам,- начал он,- я хочу, чтобы вы послушали». Он поднял палец, чтобы привлечь наше внимание, он всегда так делал, когда говорил с кафедры в своей церкви. «Я попробую рассказать вам, что я чувствую. Думаю, многие из вас чувствуют то же самое, но я все-таки должен сказать». Он замолчал, глубоко вдохнул и медленно выдохнул, как он всегда делал, собираясь с мыслями. «Я поднялся из низов. Мой отец был испольщиком. Когда я рос, у меня не было возможности получить надлежащее образование. Пока я не уехал с фермы и не отправился в Атланту, я не мог получить настоящего образования. Я был взрослым человеком, когда закончил колледж, я был женат, и у меня было трое детей. Я хотел, чтобы у моих детей было то, чего не было у меня. Я молился Богу, чтобы они могли делать то, чего не мог я. Этот молодой человек стал священником, и я хотел, чтобы он получил самую хорошую подготовку, чтобы он мог получить степень доктора философии».

Потом папа Кинг говорил о многолетней борьбе, как им с мамой Кинг было тяжело жить, зная, что то, что делает Мартин,- очень опасно. Он говорил об угрозах, которым они оба подвергались. Он сказал: «Вы не знаете, каково это, когда звонит незнакомец и говорит, что хочет убить тебя или твоего сына». Мы все плакали, а папа Кинг стоял такой большой и добрый и говорил без горечи: «Я должен был поговорить с вами об этом, потому что, даже если я и горжусь тем, что происходит здесь, в Осло, я должен быть скромным. Я не хочу раздуваться от гордости, я не такой человек. Поэтому я буду продолжать молиться, чтобы Господь дал мне смирение. Дьявол продолжает свою работу, мы должны молиться, чтобы Бог берег моего сына».

Мы плакали, потому что проделали такой длинный путь и потому, что Мартин получил, наконец, признание, в котором ему отказывали.

На следующий день нас должен был принять Норвежский король Олаф У. Он оказался простым, сердечным человеком. Он учился в Америке и жаждал поговорить с Марином. Он говорил о расовой ситуации и из его вопросов и замечаний было ясно, что он очень хорошо информирован о положении в США и сочувствует американским неграм. Это был человек доброй воли.

На следующий день, 10 декабря 1964 года, Мартин получил Нобелевскую премию. Нам доставило немало хлопот подготовить Мартина. Он должен был надеть вечерний костюм, полосатые брюки и серый фрак. Пока некоторые из нас занимались галстуком, Мартин суетился и шутил по поводу этих нелепых одежд. Наконец, он сказал: «Клянусь, никогда не надевать ничего подобного». И никогда больше не надевал.

Я должна признать, что когда он, наконец, оделся, он выглядел очень привлекательно: такой молодой, нетерпеливый, взволнованный, как молодой человек, идущий на свою первую вечеринку. Церемония состоялась в Аула Холл в университете Осло, большой, узкой аудитории, украшенной сотнями и сотнями маленьких белых цветов. В глубине низкой сцены сидел оркестр, впереди стояла кафедра. Зал вмещал около семисот человек и был набит до отказа. Мы сидели в первом ряду с членами Нобелевского Комитета. Я думала о нескольких тысячах человек, собравшихся снаружи, которые так и не увидели Мартина, так как его провели через черный ход.

Вошел король Олаф с кронпринцем Харальдом и личным адъютантом. Все встали, оркестр заиграл национальный гимн Норвегии. Королевская свита села на специальные стулья недалеко от нас, и церемония началась. Сначала оркестр сыграл избранные произведения. Затем доктор Ян зачитал решение о награждении, в котором говорилось, что «доктору Кингу удалось удержать своих последователей от применения насилия... без твердого следования доктором Кингом этому принципу, демонстрации и марши сопровождались бы насильем и заканчивались пролитием крови». Когда речь была окончена, доктор Ян вручил Мартину премию: золотую медаль и свиток. Затем Мартин взошел на кафедру для ответной речи. Выразив благодарность, он сказал: «Я осознаю, что только вчера в Бирмингеме, штат Алабама, наши дети в ответ на призыв к единству получили струи воды из шлангов, рычащих собак и даже смерть. Я осознаю, что только вчера в Филадельфии, штат Миссисипи, молодые люди, требующие права участвовать в голосовании, были жестоко избиты и убиты. Поэтому я должен спросить, почему премия вручена Движению, которое преследуется, с которым ведется непрерывная борьба; Движению, которое не достигло самого мира и братства, что составляет сущность Нобелевской премии.

После размышлений я прихожу к заключению, что эта награда, которую я получил от лица Движения,- это глубокое признание того, что ненасилие – ответ на решающие политические и расовые вопросы нашего времени, человеку нужно преодолеть угнетение, не прибегая к насилию. Я принимаю эту награду сегодня с твердой верой в Америку и с отчаянной верой в человечество. Я отказываюсь верить в то, что человек – ненужная вещь, обломок в реке жизни, которая окружает его. Я отказываюсь принимать точку зрения, что человечество так трагично связано с беззвездной ночью расизма и войн, что яркий дневной свет мира и братства никогда не станет реальностью».

Когда я слушала Мартина, я старалась помнить слова папы Кинга о смирении. Но безуспешно. Я гордилась Мартином и тем, что он делал. Я гордилась его работой, теми, с кем он работал, кто улучшил жизнь многих наших сограждан. Я гордилась тем, что негры во всем мире почувствовали новый прилив мужества и надежды из-за этого человека, моего мужа.

«Прости меня, Господи,- молилась я молча,- прости мне мою гордость. Я чувствую ее. Я так горжусь Мартином и тем, что он делает, что, боюсь, лопну от гордости. Господи, помилуй меня».

Гром аплодисментов пробудил меня от мечтаний. Мартин закончил речь.

После этого оркестр сыграл из Гершвина. Потом люди окружили нас, поздравляя Мартина и говоря добрые слова мне. Наконец, мы остались одни в тишине нашего номера. Там мы поздравили Мартина. Один из наших друзей сказал: «Мартин, ты сказал, что эта награда принадлежит всем участникам Движения за гражданские права. Мы хотим, чтобы ты знал, кому она принадлежит. Она действительно принадлежит тебе, потому что мы не смогли бы добиться всего этого без твоего руководства. Мы хотим, чтобы ты это знал».

Мы все были взволнованы, каждый из нас чувствовал, что должен что-то сказать. На самом деле, это признание от друзей значило для Мартина столько же, сколько и прошедшая официальная церемония. Когда наступила моя очередь, я говорила о моей роли просто поддерживать Мартина все эти годы. Я говорила, что мне повезло: какое благословение жить рядом с человеком, чья жизнь оказала сильное влияние на мир. Это было самое важное, что я могла сделать, что я хотела сделать, Я сказала: «Этот опыт дал мне обновленную веру. Я буду продолжать оказывать поддержку моему мужу и нашему делу». Кто-то достал шампанское и произнес тост в честь Мартина. Мы были немного возбуждены. Папа Кинг сказал с улыбкой: «Сейчас я хочу произнести тост в честь того, кто является в действительности главным. В честь Бога». Папа Кинг был непьющим и, очевидно, даже не понял значения этого «тоста в честь Бога». Но это было так мило и смешно, что мы рассмеялись. Это помогло нам снять напряжение последних часов.

На следующий день Мартин выступал с Нобелевской лекцией в Аула Холл. Затем мы поехали в Стокгольм на большой прием в честь всех Нобелевских лауреатов, которые получили премии в Швеции.

В воскресенье Мартин читал проповедь в старинном соборе в Стокгольме. Папа и мама Кинг и я сидели на одной скамье с королевой-матерью, которая, к сожалению, была не совсем здорова в тот день. Позднее папа Кинг проповедовал в маленькой баптистской церкви, его переводчик сумел передать даже интонации палы Кинга при переводе. Люди были добры и отзывчивы. Они кивали головами и по-шведски реагировали на проповедь. В конце проповеди все пели «Мы все преодолеем».

Пока мы были в Осло, Мартин, я и другие ходили в семинарию баптистов, где они попросили спеть им. Мы снова пели «Мы все преодолеем». В нашей группе не было белых, но когда мы дошли до куплета «черные и белые вместе» люди в зале встали и стояли вместе с нами. Это было трогательно и много значило для нас. И правда, норвежским баптистам так понравилась наша песня, что когда мы ушли, они все еще пели.

Во время нашего пребывания в Швеции, нас пригласили на бал, который устраивали африканские студенты в Стокгольме в честь независимости Кении. Это было красочное зрелище, где было много студентов, а африканские студенты были в национальных костюмах. Нас принимали как почетных гостей, организаторы бала хотели, чтобы мы с Мартином станцевали первый танец. Мы не танцевали на людях с тех пор, как были студентами в Бостоне. Мартин сказал мне, когда он стал пастором в баптистской церкви, что мы не сможем больше танцевать на людях, потому что это будет не тактично по отношению к старшим по возрасту прихожанам. Мы никогда больше не танцевали, Мартин не хотел делать это и сейчас. Студенческий комитет все просил и просил. Наконец, мы согласились на вальс. Так приятно было опять танцевать с Мартином.

Однако на следующий день наша фотография была напечатана на первой странице шведской газеты, а журнал «Йет» назвал ее лучшей фотографией недели. Мы надеялись, что дома у нас не будет неприятностей.

Папы Кинга не было с нами в тот вечер, но я думаю, что он не стал бы возражать. Было время, когда баптисты осуждали танцующих вместе молодых людей. Но папа Кинг рос вместе со временем, он даже сказал своим прихожанам, что молодые люди хотят танцевать. Он стукнул кулаком по кафедре и сказал: «Я знаю, как вы к этому относитесь, но вам нужно смириться с этим. Лучше предоставить им место для танцев здесь, чем они пойдут куда-то еще».

Было время на семейных встречах в нашем доме, когда молодые люди танцевали, и мы с Мартином присоединялись к ним. Однажды даже мама Кинг танцевала. Мы играли быструю музыку, а она вышла вперед и сделала несколько движений. Папа Кинг был удивлен, но ничего не сказал. Я только недавно слышала, как он говорил об этом. Он сказал: «Моя жена очень хорошо танцевала, но, бедняжка, будучи дочерью одного баптистского проповедника и женой другого, у нее никогда не было возможности для этого».

Из Стокгольма мы все поехали в Париж. К тому времени Мартин был совсем измучен. Волнения, многочисленные речи, приемы, пресс-конференции, все время в центре внимания – все это ослабило его. Он хотел спрятаться и отдохнуть, но все его попытки, как всегда, были безуспешны. В Миссисипи были арестованы обвиняемые в убийстве трех борцов за гражданские права Джеймса Чейни, Эндрю Гудмэна и Майкла Швернера, репор-

теры хлынули в наш номер, они хотели услышать заявление. Мартину очень нужен был сон, он принял снотворное и лег в кровать, но теперь ему надо было вставать и работать над заявлением. Это было мучительное напоминание о том, что, несмотря на славу последних дней, еще много предстоит сделать.

Следующим вечером Мартин обещал показать нам удивительное шоу в Лидо, которое мы с ним видели в наш прошлый приезд в Париж. В тот раз мы думали, что сможем пробраться в клуб незамеченными, но как раз внутри мы встретили Джона Уэсли Доббса, отца оперного певца Маттиуильда Доббса, соседа из Атланты. Мы рассмеялись тому, что встретились здесь.

В этот раз журналисты преследовали Мартина весь день, он знал, они увидят его, если он выйдет. Мой муж очень чувствителен к реакции людей не из-за своей гордости, а из-за страха, что какой-то его поступок может отрицательно сказаться на Движении. Итак, он остался в гостинице в тот вечер, а мы пошли в Лидо. Представление было замечательным.

Наше путешествие домой было веселым и славным. Все закончилось, напряжение спало. Ненадолго мы отложили наши торжественные мысли и насладились фейерверком. Нью-Йорк встретил Мартина как героя. Пожарные суда выпускали струи воды на реке Гудзон. Мэр Роберт Вагнер принял Мартина в Сити Холл и вручил ему ключ от города. Дате этот почетный знак был полон иронии для нас. Где ключ, который может открыть сердце такого города как Нью-Йорк, который загоняет национальные меньшинства в гетто, который закрывает двери для получения приличного образования для детей определенных расовых и национальных меньшинств, который чинит препятствия в поисках работы, который сковывает дух день за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием?

На следующий день от имени правительства штата губернатор и миссис Нельсон Рокфеллер развлекали Мартина и других членов семьи Кинг за ланчем в их квартире в Нью-Йорке. Накануне вечером Мартин выступал на многолюдном митинге на оружейном заводе в Гарлеме. Люди гордились нами и говорили с энтузиазмом. Они подарили нам великолепную скульптуру: копию «Молящихся рук» Дюрера, которую я храню на почетном месте в моей жилой комнате.

Мартин рассказывал людям в Гарлеме о том, как он получал Нобелевскую премию. Он сказал: «За последние несколько дней я побывал на вершине горы, и я действительно хотел бы остаться там, но я должен был вернуться в долину. Я должен был вернуться, потому что мои братья и сестры в Миссисипи и Алабаме задыхаются от жары несправедливости. Люди в долине умирают от голода, у них нет работы, они не могут голосовать». Мартина и меня пригласили в Белый Дом в соответствии с традицией нобелевских лауреатов. Мартин воспользовался случаем, чтобы обсудить с Президентом и Вице-президентом отсутствие избирательных прав и проблему безработицы.

Когда мы прилетели в аэропорт Атланта, нас встречало много людей, большинство из которых были членами церкви Эбенезер. Нас сразу повезли в церковь на прием, который был подготовлен для нас в Феллоушип Холл. Там не было такого великолепия и блеска, как на других приемах, данных в честь Мартина, но была скромность и особая искренность, вызванная настоящей любовью. Это были наши близкие, которые делили со своими родителями беды и радости детства, юности, возмужания и зрелости. Они наблюдали за его жизнью от Обурн Авеню, где он родился, до Бостонского университета, где он получил степень доктора философии в 25 лет, до Монтгомери, где он начал карьеру священника, до обряда посвящения в рыцари мира. Наконец, они делили с ним, как никто другой не мог бы, вершину его признания, Нобелевскую премию мира. Мартин был для них истинным служителем Бога. Я была рада за те благородные души, которым Бог дал возможность увидеть этот день. Кроме самой премии, это была самая значимая награда для моего мужа.

Пожалуй, самым неожиданным поздравлением для Мартина в связи с Нобелевской премией, был торжественный банкет в его честь в Атланта. Помимо обычая игнорировать пророка в своей стране, существовала еще и расовая проблема. Белое сообщество испытывало двойное чувство. Некоторые белые люди очень гордились тем, что человек, живущий с ними в одном городе, удостоился такой чести, и считали его равным. Другие же боялись признать его, потому что он был спорной фигурой. Сложность состояла еще в том, что у Мартина и Ассоциации Христианских Лидеров Юга были разногласия с компанией Скрипто, которой принадлежал один из крупнейших заводов Атланты. Большая часть черных рабочих, некоторые из которых были прихожанами церкви Эбенезера, хотели создать союз и улучшить условия труда. Мартин чувствовал, что рабочие правы и Ассоциация поддерживала его. Многие священники стояли в пикетах, Мартин также пикетировал Скрипто несколько дней.

В результате, в белом обществе возник спор, должна ли Атланта официально признать премию моего мужа. Либералы были «за», так же как и дружелюбно настроенные белые люди. Атланта всегда гордилась тем, что была самым либеральным городом на Юге. Бывший мэр Уильям Хатсфилд сказал как-то: «Атланта – слишком занятый город, чтобы ненавидеть». Многие жители Атланты знали, что мир хочет посмотреть, как они будут обращаться со своим выдающимся гражданином. Они хотели устроить праздник, на котором мог бы присутствовать весь город, и черные и белые. Для этого нужна была поддержка городских властей и делового сообщества.

Говорили, что некоторые важные особы отказываются от этой церемонии, и понадобилось какое-то время, чтобы их уговорить. У праздничного комитета было так много трудностей, что Мартин сказал, что это не очень

важно, состоится ли мероприятие. Наконец, приглашения на банкет были разосланы, он был назначен на конец января 1965 г. в гостинице Динклер Плаза.

Когда мы приехали в гостиницу в тот вечер, мы увидели прекрасное зрелище. Большой зал был заполнен людьми, там было около 1,5 тысяч человек, сотни человек были вынуждены уйти. Там были негры и белые из всех слоев населения. Судьи и высокопоставленные промышленники сидели за одним столом с поварами и уборщиками, специально посаженные вперемежку. 65% были белые, 35% - черные. Казалось, вся Атланта была там. Десять, пять, даже год назад об этом нельзя было и мечтать в южном городе.

Праздничный комитет возглавляли Рэбби Джейкоб, Дон Макивой, глава Союза христиан и евреев, доктор Бенджамин Мейз, тогдашний президент колледжа Мохавус. Выступающие и гости, во главе с мэром Айваном Алленом, представляли собой интересное сочетание, отражающее решительные усилия города устроить грандиозный прием для самого выдающегося жителя Атланты. Там было трое наших старших детей. Бани был еще очень мал и остался дома. Детям приятно было увидеть это событие, первое на юге, и услышать так много хороших слов об их отце. Когда нас представили публике, Йоки с большим самообладанием встала и помахала всем рукой, Марти ответил поклоном. Декстер, которому было всего 4, должен был встать на стул, чтобы его было видно, но вместо этого, типичный мальчишка, он залез под стул.

В конце церемонии, когда все уже было сказано, мы все взяли за руки и запели «Мы все преодолеем». Это было очень трогательно. Сама атмосфера. Мы уже преодолели главный барьер для южного города. Мы чувствовали, по крайней мере, в тот вечер, что мы были действительно «черные и белые вместе» в Атланта.

Потом случилось неожиданное. После песни мистер Джеймс Камайкл, президент Скрипто, подошел к папе Кингу и сказал: «Ваше преподобие, я знаю, что Вы сейчас чувствуете. Я сам отец и я могу разделить с Вами гордость за Вашего сына. Я не мог сдержать слез. Это очень важно, это должно остаться в памяти, я попросил сделать пленку с записью этой церемонии».

Из всех поздравлений, которые Мартин получил в тот вечер, это, я думаю, самое необычное.